

СЕМЬ ДНЕЙ ДО СЕБЯ

АЛЕКСАНДР КОЖЕВ

Александр Кожев

Семь дней до себя

«Автор»

2026

Кожев А.

Семь дней до себя / А. Кожев — «Автор», 2026

Илья Воронов почти год не поёт. На блошином рынке Петербурга он покупает старый радиоприёмник и слышит собственный голос — постаревший на десятки лет. Голос предупреждает: у Ильи всего семь дней, чтобы изменить свою жизнь. Вскоре город начинает распадаться на разные эпохи, из магнитных плёнок звучат исчезнувшие люди, а загадочная пятая нота угрожает стереть целый мир. Вместе с Майей, исследовательницей старых записей, Илья ищет источник странной частоты. Но у любого возвращения есть цена: чтобы спасти близкого, придётся решить, вправе ли он лишить будущего кого-то другого.

© Кожев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

День первый. Чужой голос	5
Глава 1. Шум между станциями	5
Глава 2. Человек за стеной	9
День второй. Другая жизнь	12
Глава 3. Станция, которой нет	12
Глава 4. Жизнь, которой не было	15
Глава 5. Пятая нота	19
День третий. Голоса исчезнувших	23
Глава 6. Два приёмника	23
Глава 7. Под Домом радио	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Кожев

Семь дней до себя

День первый. Чужой голос

Глава 1. Шум между станциями

Дождь начался до рассвета и к полудню превратился в водяную пыль, висевшую над Петербургом. Она оседала на старых пластинках, картонных коробках и лицах людей, пришедших на блошинный рынок искать чужое прошлое.

Илья Воронов ничего покупать не собирался.

Он вышел из дома только потому, что в квартире стало нечем дышать. Не от духоты — сентябрь был холодным, и сквозняк тянул из неплотно закрытого окна, — а от тишины. Она заполняла кухню, коридор, маленькую комнату, где на стойке пылила гитара. В тишине слишком хорошо слышалось всё, что он старался не произносить вслух.

Последние деньги следовало оставить на продукты и проезд. Через неделю нужно было платить за квартиру. Денис обещал позвонить насчёт какой-то записи, но Илья знал: это была не работа, а жалость. Когда-то он пел так, что люди возле сцены переставали разговаривать. Теперь ему было тридцать девять, и он почти год не подходил к микрофону.

Он говорил знакомым, что устал. Что музыка изменилась. Что нужен перерыв. Главная правда была проще: однажды Илья услышал собственный голос со стороны и ничего в нём не почувствовал.

Это случилось на последней репетиции. Денис включил запись, остальные ждали замечаний, а Илья слушал человека, который правильно попадал в ноты, вовремя брал дыхание и не имел ни одной причины продолжать песню. Голос был его. Жизнь — будто чужая.

— Ну как? — спросил тогда Денис.

Илья снял наушники, положил их на пульт и сказал, что вернётся завтра.

Он не вернулся.

На рынке под навесами пахло мокрой тканью, металлом и кофе из бумажных стаканов. Продавцы спасали товар полиэтиленом. На одном столе лежали советские фотоаппараты, на другом — ключи без замков, медали без документов и семейные снимки людей, чьи имена уже никто не мог назвать.

Илья задержался у коробки с кассетами. На корешках выцветшими чернилами были написаны годы, названия групп, женские имена. Он машинально перебирал их, представляя комнаты, в которых эти записи когда-то считались важными. На одной кассете значилось: «НЕ СТИРАТЬ». Плёнка внутри была оборвана.

— Всё равно бы стёрли, — сказал продавец.

Илья поднял глаза.

Старик в выцветшей армейской куртке сидел в глубине палатки и чинил карманные часы. Линза монокла делала его левый глаз огромным.

— Что?

— Я говорю, всё равно бы стёрли. Не вы, так время.

Радиоприёмник стоял отдельно от другого товара. Небольшой, тяжёлый, в деревянном корпусе с потемневшей от пальцев ручкой. На стеклянной шкале сохранились названия городов: Москва, Ленинград, Варшава, Прага. Некоторые буквы стёрлись, словно вместе с ними исчезали сами места.

Илья провёл ладонью по крышке. Дерево оказалось тёплым, хотя вокруг всё промокло и остыло.

— Работает? — спросил он.

— Иногда.

— Что значит «иногда»?

— Когда есть что услышать.

Старик не улыбнулся. Он вернулся к часам, будто разговор был закончен.

На боковой стенке приёмника были выцарапаны инициалы «И. В.». Буквы казались свежими. Илья потёр их большим пальцем и ощутил в бороздках мелкую древесную пыль.

— Чей он?

— Теперь ваш.

— Я ещё не купил.

— Купили. Просто деньги пока не отдали.

Старик назвал ровно ту сумму, которая лежала у Ильи в кармане. Он пересчитал купюры дважды, надеясь, что ошибся, затем посмотрел на старика. Тот уже отвернулся.

— А если я передумаю?

— Тогда вернётесь завтра и не найдёте ни меня, ни рынка.

— Рынок-то куда денется?

Старик поднял голову.

— Этот — никуда. Но вы придёте на другой.

Илья унёс приёмник под курткой. Пока он шёл к остановке, внутри корпуса что-то перекатывалось при каждом шаге — не винт и не оторванная деталь, а будто маленький металлический шарик, повторявший ритм его походки с едва заметным опозданием.

Дома он поставил покупку на кухонный стол и долго не включал. Снял мокрую куртку, заварил чай, открыл холодильник и снова закрыл. За окном темнел двор-колодец. В окнах напротив загорались чужие жизни: мужчина кормил кошку, девочка делала уроки, пожилая женщина переставляла цветы.

Телефон показал пропущенный вызов от Дениса.

Илья не перезвонил.

Он очистил корпус приёмника мягкой тряпкой. Под слоем пыли обнаружилась тонкая царапина, похожая на линию железной дороги. Она начиналась у инициалов, огибала заднюю стенку и исчезала под решёткой динамика. Когда Илья коснулся её, изнутри донёсся тихий щелчок.

Вилка не подходила к современной розетке. Илья нашёл в ящике переходник, оставшийся ещё от отца. Лампочки на кухне на мгновение погасли, затем шкалу залил тусклый янтарный свет.

Сначала приёмник молчал. Потом через помехи пробились обрывок классической музыки, прогноз погоды для Ленинградской области и женский голос на иностранном языке. Илья медленно вращал ручку. Станции наплывали друг на друга. Между ними слышались удары, дыхание, скрип двери, далёкий детский смех.

Он вернул стрелку назад. Смех исчез.

На частоте без обозначения шум изменился. Стал ровным, глубоким, похожим на море ночью. В нём возникли четыре ноты.

Илья замер.

Эту мелодию он придумал в семнадцать лет. Тогда они с Денисом репетировали в гараже, обклеенном коврами. Илья сыграл четыре ноты и сказал, что когда-нибудь найдёт пятую. Она должна была завершить фразу, но любой вариант звучал неправильно. Мелодия осталась в старой тетради, которую он потерял при переезде. После той репетиции он больше никому её не показывал и ни разу не записал на плёнку.

Четыре ноты повторились. Между третьей и четвёртой кто-то вдохнул.

— Илья... — произнёс голос.

Он резко повернулся к двери. В квартире никого не было.

— Кто это?

Шум усилился.

— Я знаю, где ты стоишь. На кухне перегорела правая лампа. За спиной гитара, к которой ты не прикасался триста сорок два дня.

Илья медленно обернулся. Правая лампа действительно не горела. Гитара стояла в проёме комнаты. Он не считал дни, но последнее сообщение от Дениса о репетиции было датировано ровно триста сорок два дня назад.

— Кто ты?

Ответ пришёл не сразу. Говорящий словно пытался вспомнить собственное имя.

— Я — это ты.

Голос был старше и хриплее, но паузы, вдохи и растянутые гласные принадлежали Илье. Особенно последнее «ты» — так он произносил слово, когда не был уверен, поверят ли ему.

Илья сел напротив приёмника.

— Допустим. Сколько мне лет?

— Не знаю.

— Удобно.

— Я многое забыл. Поэтому слушай, пока могу говорить.

На фоне голоса раздалось объявление о прибытии поезда. Название станции утонуло в треске.

— У меня мало времени, — сказал человек из динамика. — У тебя осталось семь дней, чтобы изменить жизнь.

— А потом?

— Ты найдёшь своё предназначение.

Илья рассмеялся. Смех прозвучал нервно и коротко.

— Звучит неплохо.

— Я тоже так думал.

Эта фраза заставила его замолчать.

— Что произойдёт через семь дней?

— Смотря что ты выберешь.

— Я ничего не выбираю. Я сижу на кухне и разговариваю со старым ящиком.

— Ты уже выбрал. Ты купил его.

Приёмник затрещал. Где-то далеко хлопнула дверь вагона.

— Завтра в девять семнадцать выйди из дома. Сядь в первую электричку. Не смотри направление.

— Зачем?

— Если скажу, будущее снова изменится.

— Снова?

— Илья, когда увидишь человека в сером, не...

Голос исчез. Янтарный свет погас, хотя вилка оставалась в розетке.

Илья несколько раз включил приёмник, постучал по корпусу, проверил переходник. Аппарат молчал. Только стрелка на шкале медленно сдвинулась сама и остановилась между Ленинградом и пустым участком стекла.

Он позвонил Денису. Услышав длинные гудки, не знал, что скажет: «Мне позвонил я из будущего» или «Ты помнишь мелодию из гаража?» Денис не ответил.

Тогда Илья достал гитару.

Пыль осталась на пальцах. Струны сопротивлялись, как чужие. Он настроил инструмент, сел на край кровати и впервые за триста сорок два дня сыграл четыре ноты.

Комната стала тише.

Илья попробовал подобрать продолжение. Первый вариант был слишком очевидным. Второй уводил мелодию в другую тональность. Третий напомнил песню, которую он когда-то ненавидел. Он закрыл глаза и позволил руке самой найти звук.

На пятой ноте струна оборвалась.

Из кухни ответил включившийся без электричества приёмник.

Четырьмя нотами.

Глава 2. Человек за стеной

Через несколько минут после того, как приёмник ответил четырьмя нотами, в дверь постучали.

Илья замер с гитарой на коленях. Струна свисала с грифа тонкой проволокой. За дверью кто-то постучал ещё раз — не громче, а увереннее, будто уже знал, что в квартире не спят.

На лестничной площадке стоял сосед из квартиры напротив. Илья знал его много лет, но сейчас не мог вспомнить имени. Мужчина держал в руках тарелку, накрытую другой тарелкой.

— Вы опять играли? — спросил он.

— Мешал?

— Нет. Моя жена услышала. Сказала, у вас музыка наконец вернулась.

Илья посмотрел на тарелки. Между ними пахло горячей картошкой. Сосед протянул их с неловкостью человека, который решил помочь, но не придумал, как назвать эту помощь.

— Она приготовила лишнего. Мы вдвоём всё равно не съедим.

Вчера у соседа не было жены. По крайней мере, Илья был в этом уверен: он встречал его у лифта каждое утро и видел, как тот один возвращается с работы, достаёт ключи, долго ищет нужный. Несколько месяцев назад они вместе чинили доводчик у подъездной двери. Тогда сосед говорил, что после развода привык есть стоя.

— А как её зовут? — спросил Илья.

Мужчина посмотрел на него с удивлением.

— Люба. Вы же знакомы.

Илья поблагодарил и закрыл дверь. В щели между тарелками была зажата маленькая бумажка: «Не забудьте поесть. Л.» Почерк он не узнавал. На обратной стороне белела ещё одна строка, настолько вдавленная, что буквы читались без чернил: «Он сегодня вспомнил четвертую».

Илья положил записку на стол. Когда через минуту проверил её снова, вдавленной строки уже не было. Он достал карандаш и обвёл в блокноте то место, где видел слова. От любого другого доказательства остались бы снимок или запись. Здесь осталась только собственная уверенность — а ей он доверял меньше всего.

Телефон завибрировал. Денис прислал голосовое сообщение.

«Ты опять пропал. Слушай, я не буду звать тебя на сцену. Просто приходи в студию, помоги разобрать архивные ленты. У нас там столько всего без подписей, что я скоро начну разговаривать с коробками. С деньгами разберёмся. Илья, ты можешь вообще не петь. Только ответить, что жив».

Он прослушал сообщение дважды. При первом прослушивании заметил раздражение. При втором — паузу после слова «жив»: Денис ждал ответа даже там, где запись не могла его получить.

Илья нажал кнопку звонка. Денис ответил сразу.

— Ну наконец-то.

— Ты помнишь нашу первую мелодию?

— Какую именно? У нас тогда было штук сорок первых мелодий.

Илья взял гитару. Одна струна была оборвана, поэтому четыре ноты он сыграл на остальных. В трубке зашипело, будто Денис стоял возле радиопередатчика.

— Аллю? — позвал тот. — Ты там?

— Ты слышал?

— Что?

— Мелодию.

— Я слышал, как ты вдохнул. Потом связь пропала.

Илья посмотрел на приёмник. Янтарная шкала не светилась.

— Денис, если завтра я приду и скажу, что мы никогда не играли вместе, что ты сделаешь?

— Сначала проверю, не ударился ли ты головой. Потом найду нашу старую запись.

— А если записи не будет?

— Сыграю тебе партию. Я её всё равно помню.

Илья хотел спросить, какую партию, но постеснялся. За последние месяцы он столько раз уклонялся от встреч, что прямога Дениса казалась упрёком, хотя тот ничего подобного не говорил.

— Ладно, — сказал он. — Спасибо за предложение.

— Это не предложение с подвохом. Дверь открыта.

После звонка Илья достал из шкафа коробку со старыми кабелями. Ему нужен был запасной комплект струн, но в коробке нашёлся только обрезок магнитной ленты в бумажном конверте. На нём собственным почерком было написано: «Первый дубль. Не слушать одному».

Он не помнил, чтобы когда-нибудь подписывал этот конверт. Магнитофона дома не было. Илья положил плёнку к радиоприёмнику и сфотографировал их вместе, захватив в кадр кухонные часы.

На фотографии стрелки показывали 9:17.

В действительности было без четверти двенадцать.

Он сделал ещё один снимок. Теперь часы на фотографии показывали правильное время, а конверта рядом с приёмником не было. Илья посмотрел на стол: конверт лежал там же. Поднимать телефон третий раз он не стал.

За стеной раздался смех женщины. Затем сосед спросил: «Люб, ты видела мою куртку?» — так естественно, словно обращался к ней всю жизнь. На секунду Илья позавидовал даже не счастью этого неизвестного брака, а уверенности, с которой мужчина произнёс имя.

Он сел за стол и завёл отдельную тетрадь. Первую страницу озаглавил «То, что видел своими глазами». Под заголовком записал разговор с приёмником, четыре ноты, соседскую записку, странное время на фотографии. В конце добавил: «Денис ответил на звонок. Предложил работу. Это было до всего остального».

Эта последняя строка почему-то успокоила его. Возможно, завтра исчезнут часы или поменяется жена соседа. Но сегодняшний разговор состоялся по его инициативе. Денис не пришёл из приёмника и не предлагал изменить судьбу за определённую цену. Он просто оставил дверь открытой.

Он ещё раз включил сообщение Дениса, уже без наушников. Знакомое шипение телефона наполнило кухню. Илья услышал, как друг прочищает горло перед словами о работе, и вспомнил старый гараж: Денис всегда кашлял перед тем, как назвать цену аренды, потому что боялся показаться жадным. Даже теперь он предлагал деньги так, будто извинялся за них.

Илья набрал ответ: «Приду завтра после девяти». Посмотрел на радиоприёмник и стёр последние два слова. Если поезд действительно отправится в 9:17, он может не успеть. Если никуда не отправится, друг опять потратит день, ожидая его. Осталось короткое: «Я услышал. Спасибо». Он нажал отправить, пока не передумал.

За стеной Люба спросила, куда сосед поставил тарелки. Илья вернул их не сразу. Он вышел на площадку с вымытой посудой и остановился перед чужой дверью. Изнутри негромко работал телевизор. Мужчина рассказывал жене, что Илья играет на гитаре совсем не так, как раньше: прежде ругался, когда ошибался, а сегодня не выругался даже тогда, когда струна лопнула. Люба ответила, что услышала только четыре ноты, но они были похожи на чей-то вопрос.

Он постучал. Сосед открыл, не успев договорить.

— Вернул посуду, — сказал Илья. — И спасибо.

— За картошку?

— За то, что послушали.

Люба показала из кухни. В руках у неё было полотенце с вышитой ласточкой. Илья смотрел на маленькую птицу чуть дольше, чем следовало. Женщина заметила его взгляд и сказала, что это мамина работа. Мать умерла давно, но рисунок Люба сама вышивала по её старому образцу — первый раз получалось криво, второй почти правильно.

— А потом я перестала переделывать, — сказала она. — Если всё время распарывать, ничего не останется.

Илья хотел спросить, помнит ли сосед их разговор о разводе. Но за спиной у супругов горел кухонный свет, на плите что-то кипело, и от вопроса эта минута могла превратиться в проверку чужой жизни. Он пожелал спокойной ночи и вернулся в квартиру.

У стола лежала тетрадь. Илья дописал к наблюдениям ещё одну строку: «Не все, кого я не помню, обязаны объяснять мне, почему они здесь». Потом положил рядом телефон экраном вверх, чтобы не пропустить ответ Дениса. Тот пришёл почти сразу: «Не исчезай. Батарейки для аппарата оставлю у охраны».

Илья впервые за несколько месяцев почувствовал, что завтра от него ждут не песни и не доказательств. Просто присутствия. Именно поэтому обещание в голосе из приёмника теперь пугало сильнее: человек, которому оставалось семь дней, мог потратить их на поиски другого будущего и так и не прийти туда, где его уже ждали.

Илья выключил свет. В темноте из кухни донёсся негромкий голос, похожий на его собственный:

— Ты всё записал?

Он не ответил.

— Тогда не забудь взять тетрадь.

Перед сном тетради на столе не оказалось. Илья нашёл её в кармане куртки, которую уже повесил сушиться. Страницы были чистыми, кроме последней строки: «Денис ответил на звонок».

Илья положил тетрадь обратно в карман. Снаружи город затихал. До девяти семнадцати оставалось ещё несколько часов.

День второй. Другая жизнь

Глава 3. Станция, которой нет

Илья почти не спал.

Он оставил приёмник на кухне, но всю ночь слышал его из комнаты: редкие шелчки, шорох настройки, обрывки дыхания. Каждый раз он вставал, включал свет и находил аппарат погасшим. К четырём утра Илья записал на листе всё, что запомнил из разговора. К шести перечитал и решил, что никуда не поедет.

В восемь пятьдесят он уже завязывал шнурки.

На улице дождь прекратился, но город оставался мокрым. В лужах дрожали фасады, про- вода и раннее бесцветное небо. Илья шёл к платформе, пытаясь придумать обычное объясне- ние: продавец мог знать его имя, приёмник — быть спрятанным устройством, голос — записью. Триста сорок два дня можно было вычислить по социальным сетям. Четыре ноты — случай- ность.

Оставалось объяснить, почему голос звучал как его собственный.

На платформе электронное табло мигало. Все ближайшие электрички задерживались, кроме одной, у которой вместо направления стоял прочерк. Время отправления — 9:17.

Илья достал телефон, но экран не включился. Часы на платформе показывали 9:16. Люди вокруг двигались быстрее обычного: закрывали зонты, поправляли сумки, искали билеты. Никто не смотрел на пустую строку табло.

Первая электричка подошла почти бесшумно.

В окнах электрички отражалась платформа, но не люди. Илья заметил это уже после того, как двери открылись. Можно было отступить. За спиной зазвучало объявление, однако женский голос произнёс не название станции, а четыре ноты.

Илья вошёл.

В вагоне пахло сырой одеждой, пылью обогревателей и железом. Несколько пассажиров сидели, опустив глаза. Молодая мать держала спящего мальчика. Мужчина в рабочей куртке читал газету, датированную прошлым октябрём. У окна дремала женщина с букетом сухих астр.

Названия станций на схеме над дверью были стёрты. Не заклеены и не выцветшие — словно их аккуратно соскоблили ножом.

Илья сел у окна. Поезд тронулся. Знакомые дома поплыли назад, затем их заслонили гаражи, склады и мокрые деревья. Он старался считать остановки, но после третьей заметил, что электричка ни разу не открыла двери. Платформы мелькали за окном, люди на них стояли неподвижно и смотрели вслед.

— Они наблюдают за тобой, — произнёс мужчина напротив.

Секунду назад место было пустым.

Незнакомец лет пятидесяти носил серое пальто старого покроя и шляпу с мокрыми полями. Хотя дождь закончился, вода продолжала стекать с его рукавов на пол. Между ног стоял узкий футляр, слишком длинный для скрипки и слишком узкий для оружия.

— Кто наблюдает? — спросил Илья.

Мужчина кивнул на пассажиров.

Молодая мать подняла голову. Вместо лица Илья увидел в оконном отражении белое пятно. Он моргнул — лицо вернулось, усталое и обычное.

— Вы знаете, куда идёт поезд?

— Сегодня — туда, куда тебе нужно.

— Я не говорил, куда мне нужно.

— Поэтому поезд и смог выбрать сам.

Илья посмотрел на футляр.

— Мы знакомы?

— Нет. Но ещё познакомимся.

— Это вы говорили через приёмник?

Незнакомец чуть заметно улыбнулся.

— Через приёмник говорят те, кому не хватило времени сказать что-то лично.

— Там был мой голос.

— Голос — не доказательство личности. Ты как музыкант должен это знать.

Электричка резко ускорилась. За окном исчезли дома. Вагон вошёл в плотный туман, и стекло почернело, словно поезд ехал по тоннелю. Свет погас.

Колёса начали отбивать четыре равных удара. После короткой паузы прозвучал пятый — выше, тоньше, неправильный. От него заныли зубы.

Кто-то в темноте прошептал имя Ильи.

— Куда вы меня везёте? — спросил он.

— Не я, — ответил мужчина. Голос прозвучал ближе, хотя он не двигался. — Ты оставил себе дорогу. Я только проверяю билеты.

— У меня нет билета.

— Есть. Просто ты его ещё не получил.

Когда лампы загорелись, сиденье напротив оказалось пустым. Исчез и футляр. На мокром полу не осталось следов.

Женщина с астрами смотрела на Илью с тревогой.

— Вам плохо?

— Здесь сидел мужчина.

— Вы всё время разговаривали сами с собой.

— В сером пальто. С футляром.

Она пересела подальше.

Поезд начал тормозить. В динамиках зашипело. Обычное объявление не прозвучало.

За окном появилась короткая платформа. На синей табличке не было названия. Краска сохранилась, но место для букв оставалось пустым. За путями стояло заколоченное станционное здание, окружённое тёмными елями. Часы под крышей показывали 9:17.

Двери открылись только возле Ильи.

Никто из пассажиров не поднял головы. Илья остался сидеть. Он вспомнил голос: «У тебя семь дней». Вспомнил оборванную струну и собственную жизнь, в которой следующий день ничем не отличался от предыдущего.

Он вышел.

Двери закрылись. Электричка тронулась и через несколько метров растворилась в тумане — не скрылась вдаль, а исчезла целиком, как стёртая с плёнки запись.

На платформе было холоднее, чем в городе. Илья прошёл к зданию. Замок на двери висел открытым. Внутри пахло углём и старой бумагой. На стенах сохранились расписания без названий станций. В кассовом зале стояли деревянные скамьи, а на полу лежали мокрые следы человека в тяжёлых ботинках. Они начинались у входа и заканчивались посреди зала.

На дальней стене висела афиша группы «Пятая частота».

Илья подошёл ближе. Бумага выглядела новой. В центре фотографии стоял он — старше, худее, со шрамом на шее. Рядом были трое музыкантов, которых Илья не знал, и темноволосая женщина у микрофона. Дата концерта была назначена через шесть дней. Место проведения: «Станция 5». Начало — 21:17.

Он сорвал афишу. Под ней оказалась такая же. Под второй — ещё одна, но на ней лица музыкантов изменились. На третьей фотографии Илья стоял один.

В билетной кассе щёлкнуло окошко.

За мутным стеклом никого не было. Невидимая рука выдвинула картонный обратный билет и фотографию.

На снимке Илья стоял у Финского залива рядом с темноволосой женщиной с афиши. Ветер бросал ей волосы на лицо. Она смеялась, а он смотрел на неё с таким доверием, что Илье стало неловко: на фотографии они явно прошли через многое и могли говорить друг с другом без объяснений.

На обороте было написано: «Если я снова забуду тебя, найди меня первой».

Почерк принадлежал ему.

— Кто она? — спросил Илья.

В глубине кассы загорелся янтарный свет. Из темноты ответил голос радиоприёмника:

— Первый разговор уже изменил будущее.

— Что это за место?

— Станция между решениями.

— Как мне отсюда уйти?

— Так же, как пришёл. Но вернёшься не туда.

Снаружи послышался приближающийся поезд. Илья спрятал фотографию и билет во внутренний карман. Пустая электричка остановилась у платформы.

На ближайшем сиденье лежал футляр человека в сером.

Илья открыл его. Внутри находился старый студийный микрофон, обёрнутый чёрной тканью. Металл покрывали следы копоты. К проводу была привязана записка: «НЕ ПОЙ ПЯТУЮ НОТУ».

Обратная дорога заняла несколько минут. За окном сразу появились знакомые дома, хотя Илья не заметил, как электричка вышла из леса. На городской платформе часы показывали 9:18.

Прошла одна минута.

Дома его ждали изменения.

Сначала он заметил кружку на сушилке — белую, с нарисованной ласточкой. Потом вторую зубную щётку в ванной. В шкафу висело женское пальто. Илья обыскал квартиру, но никого не нашёл.

На стене в коридоре появились фотографии, которых утром не было. На одной он выступал перед большой толпой. На другой сидел в студии рядом с Денисом. Почти на каждом снимке присутствовала темноволосая женщина со станции.

Он нашёл её в старых альбомах, в памяти телефона, на фотографии выпускного концерта, где, как он точно помнил, стоял один. Она возникала рядом с ним в течение последних одиннадцати лет и нигде не смотрела в объектив. Всегда — на него.

Радиоприёмник включился сам.

— Илья, — сказал постаревший голос, — ты вернулся не в свою жизнь.

На кухонных часах секундная стрелка пошла назад.

На семь делений.

Затем снова вперёд.

До конца оставалось шесть дней.

Глава 4. Жизнь, которой не было

В телефоне появился контакт «Майя».

Илья заметил его не сразу. Он листал фотографии, пытаясь найти хотя бы одну, где женщина смотрела бы в объектив, когда вверху экрана всплыло уведомление: «Майя — последний звонок 1096 дней назад».

Под именем не было номера, только серый значок старого сообщения.

Илья нажал вызов. После четырёх гудков связь оборвалась, а на экране возникло: «Номер не существует». История переписки оказалась пустой, хотя телефон показывал одно сообщение трёхлетней давности: «Удалено из этой версии».

Он перечитал фразу несколько раз. Попробовал сделать снимок экрана. На сохранённом изображении вместо текста было белое поле.

Квартира всё настойчивее доказывала, что в ней жила женщина. В ванной нашлись крем, серебряная серьга и резинка для волос. В кухонном шкафу — пачка чая, который Илья не любил. На холодильнике магнитом была прижата записка его почерком: «Майя, забери плёнку у Дениса». Ни даты, ни пояснения.

Он позвонил бывшему гитаристу.

Денис ответил сонно и раздражённо:

— Если ты опять насчёт записи, я ещё ничего не решил.

— Кто такая Майя Лебедева?

Молчание длилось так долго, что Илья проверил соединение.

— Что опять произошло? — спросил Денис.

От слова «опять» Илья сильнее сжал телефон.

— Почему ты так сказал?

— Потому что три года назад ты звонил с тем же вопросом. И пять лет назад. Каждый раз после этого пропадал на несколько недель и возвращался с новой версией того, что случилось в студии.

— Какой студии?

Денис выругался вполголоса.

— Приезжай. По телефону не буду.

Он прислал адрес на Обводном канале. Илья узнал место: старое промышленное здание, в подвале которого они записывали первый альбом. По его воспоминаниям, дом снесли одиннадцать лет назад после пожара.

Однако здание стояло на месте.

Кирпичный фасад был отреставрирован, над входом светилась вывеска «ПЯТАЯ ЧАСТОТА». Внутри пахло свежим деревом, кофе и нагретой аппаратурой. Администратор за стойкой поздоровалась с Ильёй по имени и спросила, вернулся ли он окончательно.

— Я здесь раньше работал?

Она рассмеялась, потом поняла, что он не шутит.

— Подождите Дениса в первой аппаратной.

Стены коридора были увешаны золотыми дисками, афишами и фотографиями. Илья узнавал клубы, города и людей, но не узнавал собственную жизнь. На снимках он держался увереннее, носил длинные волосы, улыбался чаще. Почти везде рядом стояла Майя: за пультом, у сцены, на крыше гостиницы, в ночном вагоне.

На одном фото она касалась пальцами шрама на его шее — того самого, которого у нынешнего Ильи не было.

Он коснулся собственной шеи. Кожа была гладкой. На снимке за его спиной виднелась стойка с микрофоном; к ней скотчем прикрепили бумажку «не трогать после последнего

дубля». Илья узнал наклон букв. Денис всегда писал «д» так, будто едва не ставил точку посередине слова.

С того вечера, когда Илья ушёл с репетиции, он старался не думать о том, что остальные продолжили работать. Здесь, в коридоре студии, их работа стояла в рамках под стеклом. Он нашёл афишу тура, в котором, по его собственным воспоминаниям, отказался участвовать. На ней его имя было напечатано над именами Дениса и барабанщика. Снизу кто-то приписал синей ручкой: «Майя, не забудь увезти ленту».

Илья нажал кнопку на телефоне и сфотографировал афишу. На экране снимка буквы выглядели темнее, чем на стене. Он отошёл на два шага и снова посмотрел: имя Майи внизу исчезло. На телефоне оно оставалось.

— Вы на что-то наступили? — спросила администратор.

Под ногой Ильи лежал жёлтый лист из папки для записей. Он поднял его. В таблице были часы аренды студии, перечень инструментов и строчка «архивная плёнка — забрать только после прослушивания И. В.». Подпись стояла та же, что на фотографии у залива.

— Вчера эта бумага была здесь? — спросил Илья.

Девушка посмотрела на лист, затем на него.

— Простите, я не помню, чтобы приносила папку.

Он не стал показывать ей снимок. За его спиной щёлкнул магнитофон, хотя в коридоре аппаратов не было. Администратор вернулась к стойке, не оборачиваясь. Илья ещё раз посмотрел афиши. На последней Майя стояла не рядом со сценой, а за звуковым пультом; на расстоянии почти можно было принять её за одного из зрителей. Только она смотрела в ту сторону, где в кадр не попал певец.

— Не трогай ничего, — сказал Денис за спиной.

Он выглядел старше, чем неделю назад, когда они случайно встретились у магазина. Под глазами залегли тени, на запястье был намотан красный студийный кабель.

— Чья это студия? — спросил Илья.

— Твоя.

— У меня нет студии.

— Вчера была. Сегодня документы оформлены на меня. Я уже перестал удивляться.

Денис закрыл дверь аппаратной и отключил сетевой фильтр. Все приборы погасли, кроме одного старого магнитофона в углу.

Илья показал фотографию у залива.

— Она спасла мне жизнь?

Денис побледнел.

— Где ты это взял?

— На станции, которой нет.

— Значит, началось раньше.

Одиннадцать лет назад они записывали вокал в подвале. Усилитель загорелся после скачка напряжения. Огонь отрезал лестницу. Илья потерял сознание у микрофона, а Майя, уже выбравшаяся наружу, вернулась за ним. Денис видел, как она вошла в дым. Потом пожарные вынесли Илью, но Майю никто не нашёл.

— Ни тела, ни следов, — сказал Денис. — После больницы ты утверждал, что она сидела рядом с тобой в машине скорой помощи. Я помнил, что никогда её не встречал. Наш барабанщик клялся, что Майя была его сестрой. Через месяц он забыл даже это.

— А ты?

— Я веду записи.

Денис вытащил из кармана маленькую тетрадь, прежде чем открыть шкаф. В ней были проставлены даты за последний месяц. Рядом с каждой — три короткие строки: кто владеет

студией, помнит ли Денис Майю и когда он в последний раз слышал, как Илья поёт. Последняя строка почти везде оставалась одинаковой, хотя первые две менялись.

— Я не доверяю себе, — сказал Денис. — Сначала думал, что схожу с ума. Потом предложил нашему барабанщику отдельно записывать те же три вещи. В понедельник у меня было имя Майи, у него — нет. Во вторник наоборот. Листы мы убирали в разные места. Один раз оба блокнота изменились, но на пальцах у меня остались чернила от страницы, которую я будто бы никогда не писал.

— Почему ты не сказал мне?

— Говорил. Ты пришёл, прослушал мои записи и попросил всё уничтожить. Через неделю уверял, что разговора не было. Я перестал спрашивать, почему ты отказываешься верить собственной памяти. У тебя были причины, даже если ты сам их уже не знал.

Илья взял тетрадь. В один из дней напротив третьего вопроса стояло: «Слышал в коридоре. Ильи в здании не было». В другой — «На репетиции пел молодой голос. Похоже на него, но ему теперь тридцать девять». Денис не объяснил эти записи.

— Ты разочаровался в себе, — сказал он вместо этого. — Ты решил, что голос стал пустым. Я тогда спорил. Сейчас думаю: может, ты сам слышал, как из песни исчезло то, чего остальные ещё не замечали.

Они вместе открыли шкаф. Каждый год в нём лежал в отдельной папке, но записи о пожаре были собраны в коробке без даты. На крышке стояли два штампа: «УНИЧТОЖИТЬ» и поверх него «СОХРАНИТЬ ГОЛОС». Денис давно хотел спросить Илью, какой из них поставила Майя. Теперь было поздно полагаться даже на собственный вопрос.

Денис открыл металлический шкаф. Внутри лежали тетради, подписанные годами. На первой странице каждой было одно и то же предупреждение: «Если Илья спросит о Майе, не позволяй ему включать микрофон из пожара».

Илья посмотрел на футляр, который принёс со станции.

— Поздно.

Они поставили старый микрофон в вокальной комнате. На его корпусе под копотью проступал номер пять. Кабель не подходил ни к одному разъёму, но когда Илья внёс микрофон, магнитофон в аппаратной начал вращаться.

Денис попробовал удержать Илью за плечо, но тот попросил дать ему минуту. В студии ещё пахло новым деревом; возле пола оставался старый запах перегретой изоляции. Илья узнал помещение по расположению дверей. После ремонта их перенесли, а ноги всё равно вели его туда, где раньше находилась лестница из подвала.

Он поставил микрофон на стойку. Высота оказалась выставлена точно под него, хотя никто не поднимал зажим. В наушниках не было обычного шума входного канала. Вместо него звучало помещение до ремонта: далёкий гул ламп, скрип ножки табурета, голос Дениса, отсчитывающий такт. Илья снял наушники — новая студия молчала. Надел снова: прежний подвал продолжал существовать в нескольких сантиметрах от его уха.

— Что там? — спросил Денис через стекло.

Илья не ответил. На старой записи кто-то в аппаратной кашлянул и сказал: «Майя, остави. У него нет воздуха». Женский голос возразил, что дубль почти закончен. Потом нежно, как коллега, которая не хочет ломать чужую уверенность, произнёс: «Илья, сделаем паузу».

Это не было признанием в любви и не похоже на красивое воспоминание. Он услышал усталость в конце смены, заботу о работе и о человеке, который пытался петь через эту усталость. От простоты услышанного стало тяжелее: если Майя существовала, он потерял не чудо из старой фотографии, а союзника, который знал его слабые места и всё равно оставался у пульта.

Илья поднял взгляд. Денис за стеклом говорил что-то ещё, но звукоизоляция не пропускала слов. На пульте перед ним светилась дорожка без названия. Лента дошла до участка, где в прежнем подвале должен был начаться тот самый дубль.

Из футляра донеслась первая нота.

Потом вторая и третья.

За студийным стеклом современная комната потемнела. Акустические панели исчезли, уступив место голому кирпичу. На полу разрасталось чёрное пятно. Запах дыма стал таким густым, что Денис закашлялся.

— Убери микрофон! — крикнул он.

Илья не смог двинуться. Его пальцы сжали металлический корпус, будто помнили его лучше головы.

После четвёртой ноты в отражении появился человек в сером пальто. Он стоял за спиной Ильи, но в самой комнате его не было.

Телефон зазвонил.

На экране высветилось имя «Майя».

— Не верь тому, кто приходит в сером, — сказала она.

Её голос был искажён треском огня, но Илья узнал его не памятью — телом. У него перехватило дыхание, как бывает при первых словах песни, которую считал забытой.

— Где ты?

— Между твоими воспоминаниями.

— Я найду тебя.

— Ты уже находил. Поэтому меня почти не осталось.

Прозвучала пятая нота.

Студия исчезла.

Илья оказался внутри пожара. Потолок горел, кабели плавились на полу. За стеклом аппаратной никого не было. Майя лежала под упавшей балкой и закрывала лицо рукой. Проводник стоял в дверях, не тронутый огнём.

— На этот раз спасти придётся тебе, — сказала Майя.

Илья бросился к ней, но расстояние не сокращалось. Каждый шаг возвращал его к микрофону.

— Это воспоминание или прошлое? — крикнул он проводнику.

— Какая разница, если после него меняется настоящее?

Проводник протянул ладонь. На ней лежала оборванная гитарная струна.

— Сначала реши, какую версию прошлого ты хочешь оставить.

Глава 5. Пятая нота

Огонь двигался не как настоящий. Пламя застывало на мгновение, затем повторяло прежнее движение, будто кто-то прокручивал короткий фрагмент плёнки. Балка над Майей падала, останавливалась в нескольких сантиметрах от пола и снова поднималась к потолку.

— Это уже случилось, — сказал Илья.

— Случилось много раз, — ответил проводник. — Ты просто помнишь только один вариант.

Он объяснил цену спокойно, будто предлагал билет. Если Илья споёт пятую ноту, откроется прошлое, в котором Майя выйдет из пожара. Но в той жизни музыкантом станет не он. Песни сохранятся, голос исчезнет. Люди будут помнить мелодии, но не человека, который их написал.

— Музыка забудет тебя.

Илья хотел сказать, что уже почти случилось то же самое. В обычной жизни у него оставалась гитара, несколько файлов на старом компьютере и люди, которые слишком вежливо спрашивали, когда он вернётся. Даже собственный голос перестал звучать убедительно. Что можно отнять у человека, который сам отступил от своей мечты?

Но проводник говорил о другом. Он показал Илье зал с низким потолком и тесной сценой. Денис играл их первую песню, публика подпевала, а у микрофона стоял незнакомый вокалист. На стене у сцены висела фотография группы: лицо Ильи на ней было размыто не огнём и не временем. Зрители помнили каждый припев и не знали, что человек, написавший его, когда-то существовал.

— Если твоя музыка останется, ты согласишься? — спросил проводник.

Илья не ответил. В юности ему казалось, что песня может жить отдельно от автора, и он называл это свободой. Сейчас незнакомый голос на сцене звучал хорошо. Именно поэтому он почувствовал потерю так остро: никто не украл мелодию, её просто перестали связывать с ним.

— Пусть.

— Не спеши. Ты ещё не знаешь, что останется вместо неё.

Майя подняла голову.

— Не слушай его. Он не открывает двери. Он забирает то, что остаётся между ними.

— Ты знаешь, кто он?

— Знала. В другой версии.

Проводник чуть наклонил голову. От его движения пламя потянулось в ту же сторону.

— Она всегда говорит тебе не выбирать, — произнёс он. — А потом выбирает за тебя.

— Я предлагаю проверить твои условия, — сказала Майя. Она попыталась сдвинуть балку и обожгла ладонь. — Если он отдаст голос, кто сможет вспомнить, что обмен вообще был?

— Останется запись, — ответил проводник.

— Ты сам показал, как меняются записи.

Он промолчал. Илья впервые заметил, что человек в сером отвечает на вопросы о цене быстрее, чем на вопросы о свидетелях. От этого предложение стало опаснее: возможно, утрата совершалась сразу в обе стороны, и никто не мог потом сказать, кого спасли.

Илья подошёл к микрофону. Жар обжигал лицо, но металл оставался холодным. В наушниках звучали четыре ноты. Пятая отсутствовала не как пауза, а как пустое место, из которого кто-то вырезал звук.

Он спел первую ноту.

Огонь замер.

После второй кирпичные стены стали прозрачными. За ними открылись другие студии, наложенные одна на другую. В одной Майя вытаскивала Илью на лестницу. В другой они погибли вместе. В третьей пожарные приехали вовремя. В четвертой усилитель не загорелся, а проводник сидел за стеклом и слушал запись.

После третьей ноты Илья увидел жизнь, в которой стал известным. На стенах висели афиши, люди пели его песни, но лицо в зеркале принадлежало незнакомцу.

После четвертой появилась версия, где он никогда не занимался музыкой. Он работал в мастерской, а по вечерам встречался с Майей в архиве. Они сверяли записи, пили чай из разных кружек и дружили так давно, что могли спорить, не боясь потерять друг друга. В той жизни Илья был счастлив простым, почти невыносимым счастьем.

Пятая нота ждала.

В четвертой студии, где пожара не было, маленький Илья сидел за дверью аппаратной и слушал, как взрослые спорят о частоте. Он не мог видеть ребёнка в собственной памяти: в год пожара ему было двадцать восемь. В отражении стекла мальчик поднял голову и оказался другим человеком. Его глаза были глазами будущего Ильи из радиоприёмника.

— Это тоже прошлое? — спросил Илья.

— Путь к нему, — сказал проводник. — Пятая нота откроет любой, если выбрать один.

Майя попросила посмотреть на её руку. На коже проступал ожог, который то исчезал, то появлялся с каждым повторением балки. Во всех версиях её лицо было разным, но этот ожог она получала сейчас, пытаясь выбраться сама. Илья понял, что проводник показывает исходы так, будто они уже закрыты. Между ними продолжали существовать движения, которых ещё никто не сделал.

Илья попытался вспомнить звук, на котором оборвалась струна. В горле возникло напряжение. Проводник сделал шаг ближе.

— Один голос за одну жизнь, — сказал он. — Честный обмен.

Вместо пятой ноты Илья запел другую песню.

Он написал её в семнадцать лет, после ночной прогулки от вокзала до дома. Простая мелодия была о городе, который меняет улицы, пока человек ищет дорогу обратно. Текст казался наивным, и Илья много лет стыдился его. Теперь слова возвращались сами.

В первый раз он запел слишком высоко. После пожара дым саднил горло, нота сорвалась. Илья остановился, ожидая привычного раздражения от неудачного дубля. Из соседнего варианта ответил другой его голос, тоже сорвавшийся на вдохе. Он начал снова ниже, спокойнее. Не для сцены и не для человека в сером. Он пел, чтобы Майя могла по звуку определить, где лежит свободный конец балки.

Она положила ладонь на кирпич. Рядом с ней из других студий проступили руки других Май. Они не видели друг друга, но слышали одинаковую песню. Илья менял темп на несколько долей, когда балка опускалась, и возвращал прежний, когда она поднималась. Под повторением огня обнаружилась пауза — крошечная, настоящая. Майя успела просунуть под балку обломок стойки.

— Ещё раз, — сказала она.

Он повторил фразу. Теперь голосов становилось больше, и ни один не стремился вести остальные. Музыка звучала неровно, но именно эта неровность мешала проводнику подстроить пожар под один исход.

Из соседней реальности ответил молодой Илья. Потом другой — старше. Ещё один голос вступил ниже, четвёртый сорвался на кашель. Десятки его версий пели одну песню в разных тональностях и темпах. Ни одна не была правильной, но вместе они удерживали мелодию.

Балка над Майей дрогнула.

— Что ты делаешь? — впервые испуганно спросил проводник.

— Не выбираю.

Илья продолжал петь. Майя вытащила руку, затем плечо. В соседних вариантах другие Майи повторили движение. Балка поднялась настолько, чтобы она могла выбраться.

Когда Майя коснулась его ладони, память вернулась вспышками.

Подвал до пожара. Её голос из аппаратной: «Ещё дубль».

Ночной автобус, где они спорили о том, можно ли услышать тишину.

Финский залив. Ветер. Фотография, сделанная Денисом.

Больничная палата. Майя сидит рядом, но приборы не отражают её присутствия.

Та же станция. Другой Илья. Пятая нота.

— Я тебя помню, — сказал он.

Майя посмотрела на него так, будто эти слова были опаснее огня.

— Тогда держись за это.

— Теперь прошлое не сможет выбрать одно будущее, — произнёс проводник.

Он произнёс это с неожиданной усталостью. На секунду Илье показалось, что проводник вспоминает не их разговор, а такой же разговор, уже проигранный им когда-то. Серое пальто пахло железной дорогой даже посреди огня. Илья хотел спросить, где они встречались раньше, но Майя крепче сжала его ладонь. В дверном проёме снова возникала пятая нота.

— Тем лучше, — ответила Майя.

Мир погас.

Илья очнулся на полу студии. Сработала пожарная сигнализация, хотя дыма не было. Денис стоял над ним и требовал объяснить, как он вошёл в помещение.

— Ты сам меня позвал.

— Я не видел тебя больше года.

На стенах не осталось фотографий Ильи. Золотые диски принадлежали группе Дениса. В этой версии Илья никогда не был вокалистом; его имя отсутствовало на афишах и в записях.

Он подошёл к пульту и нашёл раскрытый проект. Названия дорожек совпадали с песнями, которые они записывали в юности, но вокальные файлы подписал другой человек. Илья щёлкнул по одной дорожке. Из мониторов зазвучала мелодия, спасающая Майю в пожаре. Денис спел её чисто и точно, однако в той части, где у Ильи всегда заканчивался воздух, он свободно продолжил фразу. Песня словно потеряла след преодолённой слабости, ради которого была написана.

Денис выключил мониторы.

— Ты узнал её?

— Я её написал.

— Возможно, — сказал Денис. — Но здесь у меня нет ни одной записи, которая это подтвердит.

Это была не злость и не недоверие друга. Денис искал способ не дать исчезнуть человеку перед ним, а для этого вынужден был назвать единственное, что сохранилось: его присутствие здесь и сейчас.

Он попробовал напеть песню, которой поднял балку. Помнил слова, мелодию, ощущение вдоха — но из горла вышел только крик.

Денис нашёл в нижнем ящике стола маленькую кассету. На наклейке было выведено «Комната, где не пели». Илья узнал собственный почерк, но что-то не сходилось: буквы были его, а привычка подписывать так подробно — чужой.

— Ты приносил её три года назад, — сказал Денис. — Просил отдать, если снова придёшь и будешь уверять, что никогда не пел. Я подумал, очередная твоя шутка. Потом запись пропала. Сейчас снова здесь.

Денис вставил кассету в магнитофон. Аппарат запустился без команды. В первые секунды они слышали не музыку, а шум чайника, стук ложки о стакан, шаги по деревянному полу. Женщина за кадром рассмеялась и спросила, почему Илья измеряет расстояние

между стульями. Он ответил: «Чтобы ты не ударилась о стол, когда погаснет свет». Из комнаты донёлся щелчок выключателя. Запись продолжалась в темноте, но женщина не замолчала.

— Это Майя? — спросил Илья.

— Не знаю, — сказал Денис. — Ты ни разу не называл её имени на этой кассете.

Илья перемотал ленту. Хотел услышать голос снова — не чтобы восстановить комнату, а чтобы проверить, говорила ли женщина по собственному желанию. На втором прослушивании за её смехом проступила другая дорожка: слабое объявление электрички, четыре ноты и детский вопрос: «А можно не возвращаться?» Денис остановил плёнку и подвёл Илью к окну вокальной кабины.

В стекле отражались двое. В соседней версии за ними стояла Майя, а рядом сидел мальчик в жёлтой куртке. Он держал руками наушники, слишком большие для его головы. Увидев Илью, мальчик поднял ладонь к стеклу. Илья поднял свою. Движения не совпали: мальчик уже отступил, когда Илья лишь начал поднимать руку.

— Кто он? — прошептал Денис.

— Не знаю. Может, тот, кому я ещё не успел ничего обещать.

Свет в кабине погас. В отражении остались только двое настоящих мужчин. Денис включил лампу и убрал кассету в отдельную коробку. Он не спросил, почему Илья стоит бледный и трёт пальцами гладкое стекло. Вместо этого сказал:

— Если придёт человек, который объяснит тебе всё за одну минуту, попроси показать исходники. Я много лет работаю со звуком, и самый убедительный голос получается после самой длинной склейки.

— Мне тридцать девять, — выдохнул Илья.

— Тогда считай, что я заранее готовлюсь к сорока.

Они впервые за вечер рассмеялись. Илья знал: в следующем варианте этот разговор может стереться вместе с ящиком, кассетой и именем Дениса на двери. Но минуту назад друг не потребовал вспомнить их группу. Он попросил проверить запись — занятие, которое было им обоим по силам.

Илья хотел сказать: «Я вернусь». Не успел. Из выключенных мониторов раздался его молодой голос. Илья узнал в нём себя до пожара, до отказа от сцены, до всех этих неудачных попыток закончить мелодию. Молодой человек произнёс лишь два слова: «Не меняй». Потом раздался телефонный звонок.

Телефон зазвонил.

— Ты изменил не то прошлое, — сказал молодой голос Ильи. — Я тот, кто погиб вместо Майи.

— Где она?

— Уже идёт к тебе. Только для неё ты никто.

В дверь постучали.

На пороге стояла Майя — старше, чем в воспоминании, с короткими волосами и усталым взглядом. Она не узнала Илью. В руках держала деревянный радиоприёмник с инициалами «М. Л.».

— Мне сказали принести это сюда, — произнесла она.

Аппарат включился.

— Осталось пять дней, — сказал проводник. — Теперь выберите, кто из вас должен существовать.

День третий. Голоса исчезнувших

Глава 6. Два приёмника

Третий день начался у запасного выхода студии. За время, проведённое в пожаре, снаружи успела пройти ночь. Денис не позволил им остаться: он узнавал обоих, но отступал, когда Илья пытался объяснить, где они были.

После появления Майи приборы начали включаться сами. В одной из вокальных кабин зазвучала запись женского дыхания, а на пульте исчезли названия каналов. Денис вывел их через запасной выход, отдал Илье ключ и попросил больше не возвращаться.

— Этот ключ от чего? — спросил Илья.

— Вчера был от студии. Завтра узнаем.

Они пошли к Илье пешком. Майя держалась на расстоянии, будто боялась попасть в чужую фотографию. Она работала реставратором архивных аудиозаписей и последние два года жила одна. Пожара не помнила. Дениса видела впервые. Илья казался ей знакомым только голосом — хотя в этой реальности он почти не мог говорить.

У канала Майя попросила его остановиться. На мокром граните кто-то мелом написал дату завтрашнего дня. Илья решил, что это случайная чья-то шутка. Майя присела, провела пальцем по буквам и показала ему сухой белый след. Дождь прошёл совсем недавно; надпись сделали после него.

— Вы ищите знак в каждом пятне, — сказал Илья.

— Я проверяю, что можно проверить. Если мы не будем различать увиденное и то, что нам кажется знакомым, проводник скажет всё за нас.

Они продолжили путь. У каждого перекрёстка Майя называла направление прежде, чем Илья успевал посмотреть на свой телефон. На третьем он спросил, ходила ли она к нему раньше.

— Не помню, — ответила она. — Но тело знает, где у вас во дворе арка. Это плохой ответ для расследования. Поэтому я не записываю его как факт.

Её раздражало, что память действует отдельно от привычки. Прежде в работе с архивами она полагалась именно на привычку: пальцы находили начало ракорда, ухо замечало изменение скорости ещё до измерений, взгляд цеплялся за старую подпись. Теперь любой знакомый жест мог прийти из жизни, которую ей не позволяли вспомнить. Она молчала почти всю дорогу, собирая в голове вопросы, которые должна была задать приёмнику, если он заговорит.

— Приёмник пришёл три дня назад, — сказала она. — Без обратного адреса.

В посылке лежала записка её почерком: «Когда он назовёт твоё имя, не верь его воспоминаниям. Но иди за ним». Дата отправления стояла через пять лет.

— Почему вы послушались?

— Потому что бумага была из блокнота, который я ещё не купила. Сегодня утром увидела такой в витрине.

Майя вынула из сумки конверт. Почтовый штемпель был смазан, но адрес её квартиры читался ясно. На обратной стороне стояло одно слово: «Передано». Илья заметил, что эта надпись сделана не почерком Майи. Так писал старик с рынка, если верить цифрам на обороте его билета.

— Что было внутри, кроме приёмника?

— Два листа. Один — предупреждение. На втором были пустые клетки, как в журнале учёта. Я заполнила первую строку своим именем и утром увидела, что вместо него стоит ваше.

Илья попросил показать лист. В клетке снова значилась Майя Лебедева. Она сфотографировала его для сравнения, но тут же убрала телефон.

— Я никому не обещала верить вам, — сказала она. — Обещала себе проверить посылку. Это разница.

Илья кивнул. После Дениса он уже не ждал доверия как подарка. Ему нужен был человек, который не отступит, увидев, что факты меняются у него на руках.

В квартире женские вещи исчезли. Осталась только белая кружка с ласточкой. Майя взяла её с полки, повертела в руках и сказала, что такая была у её матери.

Она не стала пить из кружки. Илья предложил чистую, достал чайник и вдруг обнаружил, что знает, сколько ложек сахара положила бы Майя в старой версии квартиры. Он остановился с ложкой над чашкой. Майя заметила это и попросила оставить сахарницу на столе.

— Я сама скажу, чего хочу сейчас, — сказала она.

Они выпили чай в неловкой тишине. За окном загорелся свет в квартире напротив; сосед, которого Илья знал много лет, повесил на стену чужой семейный портрет. Майя сделала снимок через стекло, записала время и положила рядом с фотографией свой конверт. Илья впервые понял, что расследование может состоять из мелочей, пока одна из них не станет дверью.

Илья потянулся за второй чашкой, чтобы убрать её в раковину, и заметил, что Майя так и не притронулась к печенью. На блюде лежали два сухих прямоугольника в прозрачной обёртке. Он покупал их в тот вечер, когда решил, что больше не будет пить; с тех пор печенье зачем-то пережило в шкафу десятки более нужных вещей.

— Осторожнее, — сказал он. — Оно, кажется, старше меня.

Майя перевернула упаковку. Срок годности закончился в прошлом году.

— Тогда это наш первый надёжный документ, — сказала она. — У него хотя бы дата не меняется.

— Пока вы не откусили.

Она коротко рассмеялась. Не тем смехом, который Илья будто бы помнил с фотографии у залива, а новым, неожиданно низким. Он поймал себя на том, что хочет немедленно узнать, был ли у неё такой смех раньше. Вместо этого взял упаковку и выбросил в ведро.

В холодильнике нашлись яйца и половина огурца. Илья предложил сделать омлет. Майя ответила, что в четыре утра можно позволить себе не выяснять, какой сейчас завтрак — сегодняшний или завтрашний. Она нашла на полке сковороду и удивилась, что у неё отломана ручка.

— Пользуюсь прихваткой, — пояснил Илья.

— Плохая система.

— Работала до знакомства с вами.

— Значит, знакомство уже принесло пользу.

Пока он разбивал яйца, она держала сковороду кухонным полотенцем и рассказывала, как однажды перепутала коробки при реставрации: заказчик получил вместо речи на юбилей запись собаки, которая полчаса лаяла на пылесос. Заказчик не разгневался. Оказалось, собака умерла, и это был первый раз за много лет, когда вся семья услышала её голос. Майя сказала, что после этого стала проверять наклейки дважды; историю о пылесосе рассказывала редко.

— А вы умеете говорить о работе без трагедии? — спросил Илья.

— Пока вы не сожгли кухню — умею.

Омлет получился некрасивым. Они разделили его пополам, едва уместившись за маленьким столом среди радиоприёмников и бумажных конвертов. Майя положила вилку и указала на шатающуюся ножку стола. Илья подsunул под неё сложенную афишу старого концерта.

— Эту не жалко? — спросила она.

Он посмотрел на своё имя внизу листа. Уже почти не помнил, как прошёл концерт.

— Сегодня пусть держит стол.

Она не предложила спасти афишу и не стала записывать разговор. Только передвинула свою тарелку, чтобы он мог поставить рядом чашку. Несколько минут они ели и слушали, как за окном ранняя машина развозит хлеб. Не возникло ни одной новой частоты. От этого простого обстоятельства Илье впервые за ночь стало легче.

Они поставили два приёмника на кухонный стол друг напротив друга. Аппарат Ильи носил инициалы «И. В.», аппарат Майи — «М. Л.». Корпуса были одинаковыми, но царапины на дереве не совпадали. Майя сфотографировала их со всех сторон, подписала время и положила рядом чистую кассету.

— Зачем плёнка? — спросил Ильи.

— Цифровые файлы меняются вместе с реальностью. Аналоговая запись иногда сохраняет дефекты предыдущей версии. Шум, обрывки речи, намагниченность. Я видела такое в архиве и думала, что это ошибки хранения.

— Теперь не думаете?

— Теперь я думаю, что ошибок хранения гораздо больше, чем мы признаём.

Майя предложила сначала провести обычную запись в пустой комнате. Она назвала имена, время, три предмета на столе и попросила Илью повторить их через пять минут. Он предложил добавить четвёртый предмет — оборванную гитарную струну. Майя согласилась только после того, как запечатала её в бумажный конверт. Если струна начнёт двигаться, на бумаге останется разрыв.

Первые минуты ничто не менялось. Они слушали, как катушка вращается на небольшом переносном магнитофоне. Илье стало неловко от своего молчания. С тех пор как в студии он потерял певческий голос, ему хотелось проверять горло каждые несколько минут; он удерживался, чтобы не петь перед чужим человеком, который искал факты, а не выступление.

— Почему вы стали работать с чужими записями? — спросил он.

— Однажды мне дали кассету, на которой отец оставил всего полминуты поздравления. Он умер, когда мне было восемь. Лента порвалась. Я думала, что сумею восстановить его слова по нескольким фрагментам. Слова не восстановила, а звук его смеха сохранила.

Она произнесла это ровно, без просьбы о сочувствии.

— Значит, вы знаете, что иногда остаётся только голос, — сказал Ильи.

— Да. И что из этого не следует право выдумать всё остальное.

Она нажала запись.

Стрелки настройки двинулись одновременно и остановились на частоте без номера. Между приёмниками возник низкий гул. Стекланные шкалы отражали друг друга, создавая бесконечный коридор янтарных окон.

Из первого прозвучал молодой голос Ильи:

— Не позволяй им встретиться.

Из второго ответила пожилая Майя:

— Вы опоздали. Мы уже встретились.

— Тогда верни его на станцию.

— Он вернётся сам, если снова потеряет меня.

Голоса спорили, не слыша вопросов. Молодой Ильи требовал, чтобы кто-то вернулся в пожар. Будущая Майя предупреждала: выбирать нельзя. За их словами проступали другие разговоры — десятки версий Ильи и Майи, перебивающих друг друга.

Ильи записывал фразы на листе. Почерк менялся у него на глазах. В одном варианте слово «проводник» превращалось в «наблюдатель», затем в «Ильи» и снова в «проводник».

Приёмники сыграли четыре ноты вместе.

Кухня расслоилась. На месте стола появлялись другие столы: новый, обгоревший, детский, больничный. В одной версии квартира была пустой. В другой стены покрывала копоть. В третьей у окна стоял проводник и держал в руках кассету.

— Не смотрите ему в лицо, — сказала будущая Майя.

Настоящая Майя опрокинула аппараты. Гул прекратился. У приёмника Ильи отлетела задняя панель. Внутри, между лампами и катушкой, оказался сложенный лист бумаги.

Во втором лежала другая половина.

Соединённая схема изображала старую радиосеть Ленинграда и пригородов. Красная линия шла от Дома радио к побережью, разветвлялась возле Петергофа и заканчивалась знаком пятиконечной шкалы. Рядом было написано: «Архивная радиостанция № 5». Ниже стоял штамп Ленинградского архива радиосвязи и дата — 1963 год.

К карте была приклеена маленькая фотография сотрудников станции. Люди в белых халатах стояли возле передатчика. Крайним был человек в сером пальто — с тем же лицом, что в электричке.

На обороте значилось: «Первый сеанс связи проведён успешно. Получен ответ из 2026 года».

Ниже чернила начали проступать прямо у них на глазах. Появились имена будущих участников: Илья Воронов и Майя Лебедева.

Майя перечитала дату.

— Это через три дня.

— Но фотография сделана шестьдесят три года назад.

— Для сигнала, возможно, разницы нет.

Она нашла в телефоне сведения об архивной станции. По официальным документам помещение закрыли после аварии. Часть оборудования перевезли под Дом радио, остальное числилось уничтоженным. Один из хранителей фонда — Михаил Орлов — продолжал работать с записями до настоящего времени.

На открытой странице архива было всего два абзаца. Остальные ссылки вели на одинаковую ошибку: «Объект не найден». Майя сохранила страницу офлайн, переписала даты на бумагу и попыталась позвонить по служебному номеру. Гудки шли с задержкой. После четвёртого включился автоответчик с голосом Михаила: «Вы позвонили в фонд радиосвязи. Если вам известна запись номер пять, не называйте её вслух».

Илья услышал слова через громкую связь.

— Давайте спросим, почему.

— Не по телефону, — сказала Майя и оборвала звонок. — Если человек оставил предупреждение, проверим сначала, как он его написал.

Она просмотрела электронные копии инвентарных карточек. У записи номер пять отсутствовали дата и количество катушек. Вместо подписи хранителя стояла ласточка. Майя открыла прежнюю версию сайта в сохранённом кеше: там рядом с пятой записью было имя Веры Орловой. Девочка числилась сотрудником архива задолго до собственного рождения.

Илья попросил показать страницу ещё раз. На экране уже стояло: «Фонд не существует». В блокноте Майи имя девочки осталось, но у буквы «В» чернила потекли, словно их намочили с обратной стороны бумаги.

На фотографии возле его фамилии был нарисован маленький знак ласточки.

— Мы уже проводили это расследование, — сказала Майя.

— И, похоже, не один раз.

— Если так, мы можем совершить ту же ошибку, — сказала она. — Нужно оставить себе возможность остановиться, даже когда узнаем больше.

Она перечеркнула в записной книжке слово «вернуть», которое Илья машинально написал возле имени незнакомой женщины, и надписала над ним: «услышать». Он хотел возразить, но вспомнил, как проводник в пожаре предлагал обмен прежде, чем объяснил, кто подтвердит его последствия.

— Вы теперь правите мои записи? — спросил Илья.

— Только те слова, от которых зависит направление. Остальное пишите сами.

Он обвёл обе пометки рамкой. Через годы, если страницы останутся, на них будет видно, что решение приняли двое и ни один не смог полностью убедить другого. Пока ему этого хватало.

Приёмник Ильи включился. Молодой голос говорил быстро, сквозь сильные помехи:

— В архиве вас предали. Не открывайте комнату номер...

Лампа перегорела. Последнюю цифру заглушил хлопок.

Майя достала из сумки чистую кассету, подписала её «ДЕНЬ ТРЕТИЙ» и вставила в переносной магнитофон.

— Почему третий? — спросил Илья. — Сегодня второй.

Она посмотрела на надпись и побледнела.

— Я написала «ДЕНЬ ВТОРОЙ».

На плёнке уже существовала запись. Майя нажала воспроизведение.

Из динамика прозвучал её усталый голос:

— Если мы снова это слушаем, значит, Михаил солгал. Настоящий архив находится не в Петергофе. Он под Домом радио. Илья начнёт забывать меня после первого спасённого голоса.

Запись оборвалась.

Илья посмотрел на Майю.

— Я вас только сегодня встретил.

— Возможно, поэтому вы ещё меня помните.

Она перемотала кассету в начало и нажала запись поверх тишины.

— С этого момента фиксируем всё, — сказала Майя в микрофон. — Имена, адреса, разговоры, мелодии. Если память снова изменится, плёнка останется свидетелем.

В половине пятого утра они слышали с лестничной площадки шаги. Человек поднялся на их этаж, остановился у двери и не постучал.

На кухне оба приёмника одновременно прошептали:

— Он уже здесь.

Глава 7. Под Домом радио

Майя не открыла дверь. Она остановила кассету, положила магнитофон на кухонный стол и прислушалась. За дверью один раз скрипнула половица, затем шаги удалились к лестнице. Илья подошёл к глазку. На площадке никого не было. На металлической решётке перил висел мокрый билет без названия станции. Время отправления — 9:17.

— Может, он хочет, чтобы мы снова поехали поездом, — сказал Илья.

— Пока мы не знаем, кто был за дверью. Сфотографируем билет и не станем идти за ним.

Они записали шум пустой площадки, заперли дверь и вернулись к карте. Два радиоприёмника лежали на полу с открытыми задними крышками. Между ними красная линия на склеенной схеме вела к Дому радио. Илья уснул в соседней комнате, не сняв одежду и положив футляр с микрофоном у кровати.

Майя перемотала кассету и решила начать второй фрагмент с того, что могла подтвердить сама. Она ещё не верила рассказу Ильи о спасении в пожаре. Но верила фотографиям, которые исчезали у неё на глазах, и голосу из приёмника. Больше всего её тревожило собственное ощущение, что квартира знакома: она заранее знала, какая половица скрипнет возле окна, и как приподнять дверь ванной, чтобы она не задела пол.

Майя нажала кнопку записи. Часы показывали четыре тридцать семь.

— Меня зовут Майя Лебедева. Сейчас двадцать первое сентября, четыре часа тридцать семь минут. Если дата изменится или я перестану узнавать человека в соседней комнате, эту запись нельзя уничтожать.

Она помолчала и добавила:

— Его зовут Илья Воронов. Он утверждает, что я спасла его во время пожара одиннадцать лет назад. Я этого не помню. Мы пойдём в архив и проверим запись, потому что без неё у нас есть только его слова и мои догадки.

Из комнаты донёсся голос:

— Ты всегда разговариваешь сама с собой перед рассветом?

Илья стоял в дверях. Лицо было бледным после бессонной ночи.

— Теперь буду.

— Думаешь, мы всё забудем?

— Думаю, это уже происходит.

Она остановила запись и показала ему кассету.

На наклейке было написано: «ДЕНЬ ТРЕТИЙ».

— Ты оставила надпись «ДЕНЬ ТРЕТИЙ»? — спросил Илья.

— Я написала «ВТОРОЙ». За ночь кассета стала жить на день впереди нас. С того момента её не меняла.

— Я помню.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Что именно?

Илья нахмурился.

— Электричку. Станцию. Проводника.

— А пожар?

Он посмотрел на неё так, будто пытался различить лицо сквозь мутное стекло.

— Ты была там.

— Что я сказала тебе в огне?

Илья открыл рот, но не ответил.

Майя снова включила магнитофон.

— Первая проверка памяти. Илья помнит пожар, но не помнит моих слов.

— Я просто устал.

— Возможно.

— Ты мне не доверяешь.

— Я не доверяю реальности, которая меняется быстрее, чем мы успеваем её записывать. Она убрала кассету в карман пальто.

К восьми утра они стояли на Итальянской улице. Петербург просыпался медленно. Дворники сгребали мокрые листья, в окнах кафе появлялся свет, редкие машины разрезали лужи. Старое здание Дома радио возвышалось перед ними тёмной громадой.

По дороге Майя проверяла конверт со своим приёмником каждые несколько кварталов. Почтовый штемпель оставался прежним; менялось только количество заполненных клеток на вложенном листе. Сначала рядом с их именами появилась буква «М», потом номер комнаты. На подходе к зданию в новой строке проступило слово «папа». Майя не сказала Илье, пока не узнала, кто может произнести его здесь.

На другой стороне улицы работала кофейня. Илья предложил зайти, чтобы позвонить Денису и проверить, помнит ли тот их вчерашний разговор. Денис ответил коротко: он помнил студию и микрофон, но полагал, что Илья пришёл один. На вопрос о Майе сначала промолчал, затем попросил перезвонить после девяти. Илья положил трубку и сразу повторил Майе всё сказанное, пока ещё удерживал слова. Она занесла разговор в блокнот, не делая вывода.

— Вы собираетесь жить с этим каждую минуту? — спросил Илья.

— Пока реальность меняется каждую минуту, да. Потом, надеюсь, мы оба отдохнём.

На карте вход в архив был отмечен не со стороны улицы, а под внутренним двором.

— Здесь всё давно перестроено, — сказал Илья.

— Не во всех версиях.

Майя свернула карту и первой вошла под арку.

Во дворе пахло камнем, дождём и нагретой пылью. Кондиционеры гудели под окнами. В дальнем углу стояла металлическая дверь без таблички.

Ручка не поворачивалась.

Майя сравнила дверь с рисунком на карте. На схеме петли были слева, в действительности — справа. Она приложила бумагу к металлу, развернула обратной стороной, и оба положения совпали. Значит, карта изображала отражение. Илья вспомнил пустые окна электрички, отражавшие платформу без пассажиров. Когда он поставил футляр у двери, в тёмной стеклянной вставке над ними появилась отражённая лестница, уходящая вниз. За дверью этой лестницы ещё не было видно.

Илья постучал.

Никто не ответил.

Майя приложила ухо к металлу. Из-за двери доносился слабый механический шум — ровное вращение катушки.

— Там работает магнитофон.

— Ты уверена?

— Я десять лет слушала студийные механизмы. Это плёнка. Скорость — девятнадцать сантиметров в секунду.

Илья постучал ещё раз, теперь в ритме четырёх нот.

После четвёртого удара замок щёлкнул.

Илья попробовал повторить стук, чтобы проверить механизм. Замок не отреагировал. Майя записала последовательность ударов по дверной раме, а потом сравнила её с тем, что слышала на магнитофоне. На плёнке между третьим и четвёртым ударом прозвучал пятый, очень тихий, будто кто-то с другой стороны ответил, не позволяя открыть дверь раньше срока.

Дверь приоткрылась.

За ней находилась узкая лестница, уходящая вниз. Единственная лампа под потолком горела вполнакала. На стенах сохранились старые стрелки с надписями «ФОНОТЕКА», «АППАРАТНАЯ» и «ЗАПИСЬ № 5».

— Нас ждали, — сказал Илья.

— Это ещё не значит, что нам рады.

Внизу они встретили уборщицу с тележкой. Она прошла по коридору, не посмотрев на них, и исчезла за поворотом. Тележка осталась у стены; на ведре были инициалы «В. О.» и рисунок ласточки. Майя хотела спросить женщину, давно ли здесь работает Михаил Орлов, но за углом уже не было ни двери, ни шагов. Илья заглянул в ведро: там лежала сухая магнитная лента, свернувшаяся кольцом.

— Случайность? — спросил он.

— Может быть. Поэтому не трогайте её.

Она отметила в блокноте, что увидела человека, но не может подтвердить, был ли тот сотрудником архива. Через несколько часов, перечитывая запись, Майя пожалеет, что не спросила хотя бы имя.

Они спустились.

На первом подземном уровне было тепло. За закрытыми дверями стояли металлические шкафы, коробки с плёнкой и катушки в серых футлярах. Ни компьютеров, ни современной сигнализации Майя не увидела.

В конце коридора сидел мужчина лет шестидесяти пяти. Перед ним вращался старый магнитофон. Серые волосы были аккуратно зачёсаны назад, на переносице лежали очки с толстыми линзами.

Он поднял голову.

— Майя Лебедева, — произнёс мужчина. — Илья Воронов. Всё-таки пришли.

Майя первым делом посмотрела на катушку. Скорость вращения оставалась ровной, но звук с наушников Михаила не шёл в открытые мониторы. На столе лежал второй комплект очков и пустая чашка с высохшим кольцом чая. Квартира в доме над ними могла быть пустой; здесь кто-то недавно сидел напротив архивиста. Михаил заметил её взгляд и перевернул чашку.

— Вы ждали ещё кого-то? — спросила она.

— Некоторым гостям не нравится, когда их считают, — ответил он.

Илья почувствовал знакомую паузу перед словом «гость». Так говорил человек в сером, когда обходил вопрос, на который не хотел отвечать.

— Мы знакомы? — спросила Майя.

— Уже нет.

Мужчина остановил плёнку.

— Михаил Орлов. Главный хранитель того, чего официально не существует.

Илья положил карту на стол.

— Вы знаете, что это?

— Копия схемы пятой станции. Я сам спрятал половины в приёмники.

— Когда?

— Девять лет назад.

— Эти приёмники я купил вчера.

Михаил снял очки и устало потёр глаза.

— Для вас — вчера.

На его столе стояла рамка с фотографией. Женщина и мужчина улыбались в камеру. Между ними оставалось пустое место, слишком широкое для случайного промежутка.

— Кто должен быть в центре? — спросила Майя.

Михаил посмотрел на неё внимательнее.

— Вы видите, что там кто-то был?

— Нет. Но вы оба повернулись к середине.

Мужчина взял рамку в руки.

— Моя дочь. Вера. Ей было десять лет, когда мир решил, что она никогда не рождалась.

— Что значит «мир решил»?

Михаил поднялся.

— Идёмте. Только ничего не трогайте без разрешения. Некоторые записи помнят руки тех, кто их включал.

Он открыл дверь за своей спиной.

Архив уходил далеко под здание. Ряды стеллажей терялись в полумраке. На полках лежали тысячи коробок: круглые, квадратные, металлические, картонные. На одних стояли обычные даты, на других — числа, которых не могло быть: тридцать второе марта, нулевое января, двадцать девятое февраля в невисокосные годы.

На нескольких коробках вместо даты было написано: «ПОСЛЕ».

— После чего? — спросил Илья.

— Никто не помнит.

Михаил шёл между стеллажами, не включая верхний свет. Дорогу освещали маленькие лампы вдоль пола.

— В тысяча девятьсот шестьдесят третьем здесь проводили эксперименты с дальним радиоприёмом, — сказал он. — Официально пытались принять отражённый сигнал из-за линии горизонта. Неофициально — сигнал из будущего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.